

Вдовченков Е.В., Ын Ли Джы. Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–91.

Vdovchenkov Ye.V., Un Li Dzhi The Image of World Tree in the Burial of the Khazar Period in the Don Basin and on Korean Diadems: The Question of Cultural Contacts on the Territory of Eurasia // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 82–91.

УДК 398.324

В.И. Колесов
Краснодар, Россия

ИЗ «РУМ-МИЛЛЕТ» В РОССИЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ: НАЧАЛО ПРОЦЕССА ГРУППООБРАЗОВАНИЯ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Аннотация. В фокусе исследовательского внимания в статье находятся трансформационные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. в условиях закончившейся русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и начавшегося противостояния с местным кавказским населением, получившего наименование Кавказской войны. На смену османской миллетной системе пришли российские модели управления и социокультурные практики. Местное аборигенное население в правовой иерархии Российской империи было отнесено к категории «инородцы». Цель статьи – на примере адыгоязычной общности горских греков продемонстрировать противоречивый процесс группообразования как совокупности меняющихся социальных связей. В качестве методологии применена акторно-сетевая теория Бруно Латура, примененная к историческим реалиям первой половины XIX в., что позволило представить причисление индивида к группе как постоянно идущий процесс. Рассмотрены возможные пути формирования и пополнения греческого населения региона, его взаимосвязь с анатолийской частью Турции, Крымом и Мариупольщиной. Сохранив привычные коммуникации с адыгами и черкесогаями, горские греки всю первую половину XIX в. консолидируются в более менее устойчивую группу, постепенно трансформируясь из конфессионального «сословия», обусловленного османской миллетной системой, в этническую общность «века национализма». Выявлены конкретные семейные истории греков Демтировых, Серафимовых, Кокшевых в процессе переселения на территорию Российской империи. Группообразование горских греков может быть примером процессов «этнизации» кавказских групп первой половины XIX в.

При написании статьи автор использовал неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края и источники личного происхождения середины XIX в. – дневниковые записи англичанина Джеймса Бэлла и воспоминания француза Тэбу де Мариньи.

Ключевые слова: трансформация; Северо-Западный Кавказ; миллет; Российская империя; османская империя; горские греки; черкесогаяи; колонизация; группообразование; инородцы; Гривенский Черкесский аул.

Сведения об авторе: Владимир Игоревич Колесов, независимый исследователь.

Контактная информация: 353002, Россия, г. Краснодар, ул. Карасунская набережная, д. 151, тел. 8 (918) 465-77-66, E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk.

Северо-Западный Кавказ становится ареной межимперского противостояния во второй половине XVIII в., когда несколько русско-турецких войн перенесли военные действия и на эту территорию. Левобережье Кубани входило в состав Анапского пашалыка Османской империи, правобережье было частью Крымского ханства. Помимо кочующих на правобережье Кубани ногайцев, крымских татар и живущих в Закубанье черкесов (западных адыгов) население региона постоянно пополнялось выходцами с Севера – беглыми крестьянами и казаками, недовольными реформами, проводимыми Российскими администрациями, а с

Запада, Юга и Востока – турецкими, армянскими, греческими и еврейскими торговцами и ремесленниками, для которых обыденностью было перемещение по любым османским территориям от Диарбекира до Крыма, от Стамбула до Батума. В торговых путях Северо-Западный Кавказ был одной из «вершин» воображаемого треугольника: Анатолия (уже – Понтийская область) – Крым – Северо-Западный Кавказ. С переселением части крымских христиан Екатериной II в Приазовье в 1777–1778 гг. (будущие мариупольские греки и нахичеванские армяне) этот «треугольник» превратился в «ромб», в котором Северо-Западный

Кавказ занимает важное промежуточное звено между османским Понтом и российским Крымом, а также примыкающим к нему донским побережьем Азовского моря. Примером таких торговых и иных сетей может быть совокупность документов, собранных (в основном, в Российском государственном архиве древних актов) и опубликованных Ю. Головкин, о торговых операциях в азовских портах в 1777–1782 гг. В этом сборнике встречаются факты торговых коммуникаций ростовского грека, пассажира рейса Царьград–Таганрог, понтийских (Керасунд, Унье, Трапезунд), анатолийских, архипелагских и константинопольских греков с Таганрогом (Головкин 2008: 8, 63).

Население Северо-Западного Кавказа юридически являлось подданными «турецкого» султана, но фактически османы контролировали лишь черноморское побережье Кавказа, поэтому, например, из адыгских «этнических» групп лишь отдельные натухайские общины и часть шапсугских находились под влиянием анапского паши. В последней четверти XVIII в. ситуация изменилась кардинально – после 1774 г. де-юре правобережье Кубани стало российским, и население Северо-Западного Кавказа оказалось под влиянием новых дискурсов, в том числе в области этнической номенклатуры. Левобережье Кубани, пространство проживания «черкесских» «этнических» групп, юридически до 1829 г. являясь турецкой провинцией с центром в Анапе, фактически представляло собой полунезависимую совокупность территорий между двумя империями – Российской и Османской.

Каждая из империй стремилась распространить свою власть на население Северо-Западного Кавказа, часть которого признавало формальную юрисдикцию Блистательной Порты и фиксировалось в российских источниках как «турецкоподданные». Но фактически Закубанье и даже шире – Северо-Западный Кавказ – можно определить как фронт – пространство взаимопроникновения между Империями в трех компонентах: территориальном, человеческом и процессуальном (Брук 2001: 148). По словам А. Рибера: «Обитатели пограничных зон между соперничающими империями были полиэтничны и склонны “к сомнительной лояльности”, т. е. переходили на сторону победителей в кризисные моменты» (Рибер 2004: 60–61). Дополняя цитированное выше, можно заметить, что в этот период многие группы еще не обладают этнической идентичностью, поэтому они скорее не полиэтничны, а полиидентичны (т. е. обладают набором идентичностей, ситуационно проявлявшихся в конкретном случае). В данный набор идентичностей входили конфессиональная,

сословная, территориальная, общинная, родовая и иные модели.

Империи боролись за население, одновременно распространяя свои принципы управления. Переселив на Северо-Западный Кавказ Черноморское казачье войско (далее – ЧКВ) в 1792–1793 гг. (Фролов 2005), Россия сделала коммуникацию с адыгскими (черкесскими) обществами каждодневным явлением жизни своих подданных. Переселенные казаки в своих повседневных практиках стали взаимодействовать с представителями адыгских этнических групп, а также с армянами, греками, евреями, проживающими в регионе. Например, нор-нахичеванские жители, армяне-купцы Минас Христофоров, Авак (Ован?) Петрович и Мурза Якимов, находившиеся на рыболовных заводиках по берегам в урочищах Темрюк, Бейсуг и Койсуг, в октябре 1792 г. способствовали получению леса черноморскими казаками во главе с прапорщиком Иваном Аристовым (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 66–67), а затем были приняты в войско и в начале XIX в. фиксируются как офицеры ЧКВ. По берегам Азовского моря располагались греческие рыбные заводы, во главе одного из них был грек Христофор Турчин, заключивший с вновь прибывшим ЧКВ контракт на продолжение своей деятельности (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 158. Л. 141, 153).

Привлекая на свою сторону население Северо-Западного Кавказа, Российская империя формировала лояльность среди адыгоязычных христиан региона – армян и греков, но не гнушалась приемом на территорию ЧКВ мусульман – черкесов и татар. Продвижение на Северный Кавказ со стороны России было не только военным, а сопровождалось миграциями населения, созданием новых общин и исчезновением прежних (Barrett 1995: 579). Так, в 1799 г. на территории ЧКВ появился Гривенский Черкесский аул, а чуть позже Татарское селение Ады (Короленко 1902: 73–79, 89–95; Чемсо 2002), где концентрировалось выходящее из Закубанья население.

Этнические (и иные) идентичности групп и обществ Северо-Западного Кавказа формировалась в результате «взаимодействия различных сил в масштабе всей макросистемы континентальных империй» (Миллер 2006: 36), в данном случае Османской и Российской империй. Армяне и греки, проживавшие среди адыгского населения Северо-Западного Кавказа, фиксировались в документах российской администрации как «закубанские», а позднее – как «горские» (Русско-адыгские 1957: 59; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 368. Л. 4; ГАКК. Ф. 720. Оп. 1. Д. 8. Л. 677 об., 680, 681 об.). В исторической науке применимо к этим армянам утвердилось понятие «черкесогаи» (Щербина 1916), ведущее свое происхождение от

церковного территориального термина, хотя самоназвание представителей этой группы «кормел». Самоназвание греков «урым» тюрко-турецкого происхождения в адыгейском языке обозначает греков вообще и указывает либо на Крым, либо, минуя Крым, непосредственно на Анатолию и Понт, в качестве возможных источников заимствования (Кузнецов 1997: 31). Помимо заимствования данное понятие могло распространиться как термин правовой системы Османской империи, в которой миллет – категория, обозначающая самоуправляющуюся религиозную общину. Всё население империи входило в тот или иной «миллет», который превратился в так называемое конфессиональное сословие. Существовали мусульманский, греческий, армянский, армянокатолический, латинский, иудейский миллеты и т. д. (Улунян 1994: 69–80; Ortaуl 2004: 15–22). В греческий «Рум-миллет» входило всё население Османской империи, относящееся к Греческой Восточной церкви, невзирая на лингвистические характеристики. Территория Северо-Западного Кавказа ко времени заселения российскими переселенцами (с 1792 г.) уже была давно «освоена» крымскими, нор-нахичеванскими, понтийскими армянскими группами, а также крымскими, понтийскими и мариупольскими греками.

Ф.А. Щербина, ссылаясь на утверждения армавирских армян, писал о начале XVI в. как о времени появления их в Черкессии (Щербина 1916: 2). В «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области» чиновник Комиссии по разбору сословных прав утверждал: «Сии последние [«горские армавирцы»] вышли к Кубанским горцам из Крыма не позже конца XVI века и, заручившись покровительством сильных лиц водворились между ними вероятно с торговыми целями...» (ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 55 об.). Семейная легенда черкесогаев Богарсуковых повествовала о переселении этого рода из Крыма к черкесам в середине XVII в. (Богарсуков 1913: 2). Эту же дату Богарсуковы сообщали российским чиновникам в своих прошениях (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 798. Л. 22–24 об.). Документы свидетельствуют о связях крымских и «кубанских» армян. Подобные социокультурные и экономические отношения, несомненно, способствовали сохранению армянской идентичности у армян, живущих между черкесами. Крымские контакты оставались важными и после изменения демографической ситуации на Северо-Западном Кавказе: вывода армян, наряду с остальными христианами, из Крыма в 1780-е гг. и образования Нахичевани-на-Дону, а также появления на кавказской арене исторических событий черноморских казаков. Нахичеванские армяне (как мы уже показывали выше) не прекращали

приезжать на правобережье Кубани и в Закубанье.

Проживали армяне и греки в турецкой крепости Анапа, в центре оттоманских владений на Северо-Западном Кавказе, откуда периодически переходили/переселялись на российскую территорию. Об этом можно судить из переписки руководства Черноморского казачьего войска и османского чиновника, находящегося в Анапе. Мотивируя отказ выдавать бывших российских подданных – солдат и черноморских казаков, анапский паша говорил в 1793 г. российским представителям, что «вы же не отдаёте беглецов “греческого и армянского закона”» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 106). Кроме того, Н.И. Веселовский, ссылаясь на турецкий источник – работу Джебедета-паши «Викай-и девлети алия-и Осман-ие» (События высокого государства Османского), пишет о наличии в турецкой Анапе большого количества армян, которые в 1780-е гг. даже добивались права «устроить свой квартал» (Веселовский 1914: 14). Сообщая о населении турецкой Анапы в 1808 г., Веселовский со ссылкой на Клапрота, указывал численность жителей около 3 тыс. чел., из которых «треть составляют турки, а прочие – черкесы, армяне и греки» (Веселовский 1914: 44).

Российское завоевание Кавказа подразумевало «культурное освоение» территории и горских обществ: «письменная» культура «навязывала» бесписьменную свои формирующиеся понятия и категории, в том числе и этнического характера. Переход из одной социальной системы в другую сопровождался процессами «называния», «поименования» бытия, в том числе и определением таких статусных категорий, как, например, «дворянство» или «подданство».

По имеющимся у автора архивным материалам первые семьи горских армян селятся в Гривенском ауле в 1804 г. В «Ведомости о числе содержащихся в Екатеринодарском карантине бежавших из плена из черкес разного звания людей и о числе выходящих в Россию из-за Кубани черкес и армян» видим даты выхода в российские пределы армянских семейств: 9.04.1804 г. армяне Хачадур Темгуов (Темиров) с женою его Дуспи, детьми Каспаром, Титу, Санупом, Панзиамом и с «ясирами из черкес»; армянка вдова Ширин с сыновьями Михаилом, Аванесом (его женой Занезан), дочерью Фиж; армянин Тич Баронов с женою Курин, сыном Балабаном и с «ясирами из черкес» переселились на «нашу сторону» и были поселены в Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 6 об. – 8). 13 апреля переселяются армяне Киркор Мержанов, Повагем Агупов и «ясиры их из черкес», они тоже оседают в Гривенском Черкеском ауле (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491.

Л. 13). 30 апреля того же года вдова-армянка Даш с сыном Нахупшем и дочерью Наск попали в поле зрения Екатеринодарской карантинной заставы и были определены на жительство все туда же – в Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 15–16 об.). В этом же деле встречается упоминание и о греках, прошедших через карантинные мероприятия 7–9 июня 1804 г. Но, судя по характеристике «жительствовавший за Кубанью зашедший туда из Трапезона грек Данила Пандели (турецкоподанный Опандилов), жена его Екатерина, сын Иван, ясирь из черкес Анна Гошемаф», просящие о русском подданстве и о водворении в Таганрог или Мариуполь (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 46 об. – 47, 48), являлись временными жителями Закубанья, но имели крепостную из черкес, что свидетельствует об определенных социальных отношениях. С другой стороны, данный пример может быть показателем как в вопросе происхождения данной группы греков, так и их самосознания – раз имелись связи с греками Трапезунда, откуда эта группа могла произойти, и Мариуполя, куда они стремились. Скорее всего, благодаря именно этим связям у черкесоговорящих греков поддерживалось стабильное греческое/православное самосознание.

Устойчивые связи христианского населения Северо-Западного Кавказа (армян и греков) с Понтом (и шире – с Анатолией) не только в торговых отношениях, но и в культурных коммуникациях отражены и в более поздних документах. 18 октября 1821 г. поступили в Екатеринодарский карантин вышедшие «в оной с закубанской стороны, пожелавшие вступить в вечное подданство Российскому престолу Греки Козьма Николаев сын Ямгур и Лефтер Иванов и Армянин Мурат Мадросов», которые на допросе сообщили о себе («через переводчика показали») сведения. «Козьма Ямгур, лет ему от роду 36. Вдов, родом с Города Амасии что в Анатолии прилежащей к Черному морю, звания купеческого, имел у себя семейство жену Марию, дочь тамошнего купца Гаджиюрия; было с нею прижитых детей сыновей четыре: Николай, Харалампий, Иван и Кириак. Из сего семейства жена его умерла назад тому 5 лет, также и из сыновей Николай и Кириак умерли. А Харалампий 7 лет и Иван 5-ти теперь лет оставлены им у тестя Гаджиюрия в Амасии живущего - Целые уже три года отлучился он с того места Амасии по торговому промыслу на корабле купеческом анапского жителя турка Окуз-оглу, с намерением достигнуть в Крым в Город Феодосию, но противною морскою погодою занесено судно в Город Анап, Где он Козьма Ямгур пробыл пять месяцев а после того отправился в черкесам сапсутам к речке Обун, и тут по разным местам обращался до самого прибытия на сию сторону. То-

вары имел он свои собственные... на две тысячи круж. Из всех сих товаров продал в Анапе на пятьсот круж на наличные... между тем случилось ему бывать в Анапе где в турецкого купца Емер Али взял товару на семьсот шестьдесят круж в долг В прошедшее сего года лето с тем, чтобы оние теперь отдать... он Ямгур невыполнил потому, что те товары раздал в долг... почему Купец Емер Али осердясь и пригласивши десять человек черкес искал его Ямгура либо убить либо зафативши продать в плен о чем он Ямгур узнавши пригласил еще с собой Грека Лефтера Иванова и армянина Мурата в тех местах обращавшихся нанял пять черкес вывести его с теми товарищами к Российским границам, единственно с желанием вступить в подданство России. Заплатил из оных черкес первоначально одному живущему в ауле Богондур по имени не знает товаром на 80 круж, другому пистолет стоящий 60 круж, третьему кобылу стоящую 60 круж, четвертому саблю стоящую 43 кружи, а пятому седло и некоторое платье. Кои доставляли его попеременно тайным образом и избегали до самой Кубани и последний предоставил к Екатеринодарской пристани. Всем сим черкесам имен и из каких мест не знает. Намерение его Козьмы Ямгура простиралось еще и такое, чтобы вступя в подданство России достигнуть в город Феодосию к находящимся там родным его братьям Миная и Христаня Ямгуровых, кои были турецкоподанные; семейства их оставлены ими в Амасии, они же сами лет до тридцати торгуют по купеческому промыслу в помянутом Городе Феодосии; будучи же он в черкес в горах, слышал от приездившаго туда с Константинополя армянина Тороса, что будто бы те его братья нынешнего года летом семейства свои забрали к себе Феодосию, по случаю гонения на христиан турков» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 14–14 об.). Каждый такой нарратив позволяет увидеть новые формы коммуникации между различными армянскими и греческими группами, проливает свет на механизм перемещения их по Османской империи и через границы Российской империи.

Второй грек Лефтер Иванов поведал историю, схожую с повествованием Ямгура, но обладающую некоторыми особенностями: «Лет ему от роду 22. Холост родом с города Амасии что в Анатолии, имеет там родного отца из торговцев грека Ивана Тафриз-оглу, а мать Катирину, отоль два года с половиною оставя тех родителей в живых, отправился по торговому промыслу и з собственным товаром на купеческом турецком корабле (которому хозяина имени не знает) прямо в Анап, в котором и по горам у Закубанцов и во владении нотухиж при речке Мозедич лежащем, также по местам у сапсугов обращался по тако-

вому промыслу; но отдавши и свой товар разным народам и по разным местам в долги, и не получив оных, остался в бедственном положении, наконец по случаю носящихся в тамошних местах слухов о гонении на греков со стороны турков, полагая себе опасность возвратиться в свою Родину, назад тому дней 15 решился удалиться с Закубанской стороны и прибегнуть под покровительство российскому престолу; почему с места пребывания своего селения Мезинич владения Казабат оглу, зная что грек Козьма Николаев Ямгур и армянин Мурат Мадросов недалеко оттоль находившись намерены также обратиться в Российские места, поехал к ним и вместе с ними прибыл к Екатеринодарской пристани, были провозжаемы сюда черкесами за платеж, который производил грек Козьма, как он ему Лефтер объявлял; но чем именно сей платеж произведен ему Лефтеру неизвестно» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 15 об. – 16). Армяне, как более многочисленная группа в регионе, гораздо чаще встречаются в документах, иллюстрирующих масштабные перемещения в плоскости: Анатолия – Крым – Северо-Западный Кавказ – устье Дона. Этот «географический ромб», сложившийся в период функционирования Византийской и Трапезундской империй, продолжал поддерживать коммуникационную активность и в XIX в. В Закубанье транзитно проживали жители турецких городов Диарбекира, Эрзерума, других анатолийских мест, следовавшие в Карасубазар и Нор-Нахичевань (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 12, 17; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904. Л. 1).

В апреле 1824 г. инспектор Мазуренко, чиновник Екатеринодарской карантинной конторы докладывал Войсковому атаману Черноморского казачьего войска Матвееву о людях, пересекших российско-османскую границу по реке Кубань. «...Вышедшие с Закубанской стороны 16 числа сего месяца Турецкоподанные Два Грека... показывают..., что они оба Греческие Священники, турецкой державы города Трапезона прихода церкви Иоанна Крестителя. Когда воспоследовал в Турции между Греками и Турками мятеж, и от последних презрение и гонение вообще на Христиан, то турецкое начальство с них первого священника Теодора томя тюремным заключением за то что исходатайствовал у Константинопольского патриарха дозволение о перестройке упомянутой церкви по ея ветхости на новую, наконец наложили на него взыскание заплатить в Турецкую казну 16 000 левов, в числе коих испросив от доброхотных дателей 6 000 левов уплатил уже туркам, а 10 000 не находя способов в своих Сотечественников вовнутре Греции по непрерывному безпокойству испросить, предположил намерение обратиться для сей надобности к Грекам

и другим Христианам обитающим между Закубанскими народами; на что испрося позволение от трапезонского Греческого преосвященного митрополита Парфения и пашпорты, взяв с собою того же прихода младшего священника Теодора Егорьева, отлучились оттоль..., но не решились отправиться к Закубанцам сухопутно спасаясь худых последствий от турков, а сыскали случай переехать судном чрез Черное море в Россию в Город Феодосию; оттоль пошли в Город Симферополь к Господину Гражданскому Губернатору и у него испросили без срочные Пашпорты Сентября 13 прошлого 1823 года на пропуск их чрез Черноморию сухим путем За Границу в Турцию, по коим чрез Здешний Центральный Карантин Ноября 3 и пропущены сии Священники. И спознавши Закубанью свою надобность и опасаясь итти сухим путем в свои места по тем же причинам кои выше сего пояснены, Возвратились в Россию на сей же Карантин, с таким намерением чтобы явиться лично к Господину Таврическому Гражданскому Губернатору и испросить у него новые пашпорта на проезд морем в Турцию, где удобнее им сыскать случай достигнуть к своим местам... Мещанка Черкасова, повывдась она в городе Мариуполе с прописанными двумя греческими священниками и узнав что с них младший Теодор Егоров есть ближайший ея родственник потому что родная сестра ее Прасковья находится за ним в супружестве, и который объявил ей что он намерен иметь свидание со своим тестем а ея Черкасовой родным отцом Греком Иваном Лекторуком живущим между Абазинскими народами при речке Пчас, по Сему пожелала и она Черкасова вместе с ным Теодором отправится Закубань и повывдется с отцом и другим родством, на что испросила у господина Таганрогского градоначальника 13 сентября прошлого 1823 года пашпорт сроком на 10 месяцев, по коему с малолетним ея сыном Дмитрием, вместе с упомянутыми священниками при здешнем Карантине перепущена Закубань ноября 3 и оттоль сего месяца 16 числа возвратились и отправится на свое жилище в г. Мариуполь...» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904. Л. 10–11). Этот документ может доказывать существование не только постоянных торговых, но и брачных связей между греческим населением Закубанья, Мариупольщины и Понтийской историко-этнографической области. Кроме того, можно предположить, что османская административная система, включавшая Закубанье в Анапский, Потийский и Трапезундский пашалык (поэтому паша именовался трехбунчужным (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6)), коррелировалась с границами греческой православной митрополии с центром в Трапезунде. Именно поэтому священники данного прихода направились к своему родственнику в

Закубанье для сбора денежных средств и выполнили задуманное. Мариупольские греки тоже поддерживали отношения с населением Северо-Западного Кавказа, например, один из них, уроженец с. Мангуш, Иван Асланов в августе 1841 г. был зачислен в Черноморское войско (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 657. Л. 27).

Близость нахождения Понтийской области (северо-восток Анатолии) способствовала наиболее активной коммуникации черкесогаев с понтийскими армянами. 31 августа 1832 г. комендант Геленджикской крепости полковник Чайковский докладывал о прибывшем в Геленджик человеке. «Турецкоподанный Армянин католик Богос Рафаилов, житель города Трапезонта, прибывший в Геленджик для торговли на купеческом судне из Сухум кале и билетом тамошнего Коменданта, как знающий хорошо черкесский язык употребляется мною в переговорах с приезжающими сюда Горцами; но как мало знающий по Русски, он переводит Черкесский язык на Турецкий, знающему сей последний язык Нашебургского пехотного полка Прапорщику Спиранди. Сей Армянин с 1811 года в продолжении 20 лет проживал по торговым делам между Черкесами, наиболее в окрестностях Геленджика и Суджук-кале; бывал во многих горских значительных местечках и аулах, совершенно знает местоположение и пути от Геленджика до Усть Лабы, и по берегу до Сухум кале» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333. Л. 71–71 об.). Впоследствии этот человек принял российское подданство в 1834 г. и привез свою семью из Трапезунда (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383. Л. 42–42 об.). Третий раз Богос Рафаилов упоминается в 1848 г. в рапорте Начальника I отделения Черноморской береговой линии полковника Ясинского Временнокомандующему Черноморской кордонной линией Ращпилю. «Племянник... Богоса Рафаилова, Закубанский Армянин Хагуп Степан, живущий в горах близ Кубани на Инне (приписка на документе снизу простым карандашом – «Живет в мирном ауле Энем»), притесняемый постоянно горцами, которые действительно в настоящее время преследуют всех армян... изъявил желание переехать... к дяде своему в Новороссийск...» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 966. Л. 23). Особенно важно для нас упоминание о полилингвизме Богоса Рафаилова – знании им как турецкого, так и черкесского языков. В качестве переводчика в 1840 г. его приняли в штат 1-го Отделения Черноморской Береговой Линии в Новороссийске (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37. Л. 63 об.).

Пример инкорпорации анатолийского грека в черкесское общество описан в путевых заметках Тэбу де Мариньи, который в качестве купца, сотрудника русской торговой миссии, а затем вице-консула Нидерландов несколько раз посетил чер-

кесское побережье Черного моря в 1813–1824 гг. В 1818 г. он побывал в районе р. Пшады: «Несколько черкесов вышли нам навстречу. Среди них был один старый грек, поселившийся в этой стране 40 лет назад; его женой была черкешенка, которая нарожала ему много детей и умерла 2 года назад от холеры. Этот старик пригласил нас войти в один из складов, где у него находилось около 600 пудов соли». И позже автор называл этого человека «греко-черкесом». Из слов Мариньи следовало, что грек занимался торговлей. Далее Мариньи сообщает имя этого грека и приводит ценные наблюдения о религиозной сфере: «5 мая, в воскресенье, грек Димо попросил у меня разрешения помолиться на судне, перед крестом в каюте; я охотно разрешил. Он принес несколько свечей из желтого воска, которые черкесы, как и мы, используют в своих религиозных обрядах, и зажег их в знак нашего искупления. С ним пришел один местный житель, который во время молитвы хранил уважительное молчание...» (Мариньи 2006: 36–37, 42–43). Судя по этому факту, грек Димо не имел возможности проводить молитву в приемлемых условиях за неимением церковной атрибутики.

Индивиды с двойственной греко-черкесской идентичностью выбирали стратегию адаптации и оставались жить среди черкесов. Англичанин Белл, путешествовавший по Черкесии в конце 1830-х гг., в письмах в мае 1837 г. несколько раз упоминал такую личность: «Человек, раненный в Абуне, происходящий из древнего греческого рода, и, похоже, являющийся знатоком седельного производства, в своем умении в том был полезен моему хозяину...». В другом письме от 22 мая 1837 г. Белл назвал этого человека «наш греко-черкес...» (Бэлл 2007: 119, 128).

Практически нам очень мало известно о населенных пунктах, где в Закубанье проживали армяне и греки. Кроме вышеупомянутых («во владении нотухиж при речке Мозедич лежащем», «селения Мезинич владения Казабат оглу», «между Абазинскими народами при речке Пчас», «район Пшады», аул Энем), встречаются еще сведения об Армянских аулах, например, «в Чичинейских владениях» (черченевцы – часть бжедугов) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 416. Л. 17). Или в 1822 г. «выбежавший из плена» рядовой Тенгинского полка Кирило Филиппов рассказывал, что два года назад был взят в плен и доставлен к «большому Салтану Магмет Кирею». Пытаясь бежать, Филиппов был пойман «Закубанскими Армянами Барсуком с товарищами, живущими в лесу под абазинскими горами в ауле называемом армянским и чрез четыре дня поведен ими в аул к Абазинскому князю Мегмет Кирею, тут за него заплатил он Магмет Кирей тем армянам 35 тюк

кумачу...» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 46–46 об.).

Попавший в Гривенский аул в 1823 г. грек Урус (Николай) Демтиров/Тентемиров/ Дмитриев/Дмитров в январе 1824 г. просил разрешения местного начальства пропустить его за Кубань «для взятъя сюда его семейства для совместного его с ним жительства – в 10 душах обего пола состоящего, находящегося в Чирчинейском владении» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–10 об.), в другом документе – «в армянском ауле Хатузика в Чирчинейских Владениях» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 116 об.). Именно его семейство, связанное различными узами с черкесогаями Чентамировыми, Бароновыми, было первой греческой семьей, поселившейся в Гривенском ауле, соответственно, на земле ЧКВ, территории Российской империи.

После Демтировых, вторым было семейство Николая Сафире, в ноябре 1832 г. «изъявившего желание водвориться на всегдашнее жительство в Гривенском ауле». В Екатеринодарском карантине рассматривалась его просьба, а также предложение Н.С. Заводовского «Грека Николая Сафире... перепустить из Закубани с его семейством». Вопрос был решен положительно: по явке грек должен быть перепущен в Марьянский кут с семейством и имуществом, в котором и подвергнут 21-дневному карантинному наблюдению (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 153. Л. 58, 61 об., 62). До этого на Екатеринодарском меновом дворе Николай Сафире показал, что он родился за Кубанью в «Абазехском племени», потом перешел на жительство в «Хамышейские владения в аул Гадьгабль», семейство его состоит из жены, двух сыновей и двух дочерей, и он желает поселиться в Гривенском ауле. Просьбу его удовлетворили (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1286. Л. 2–4).

Позднее, в июле 1840 г. из-за Кубани к Екатеринодарскому меновому двору прибыли грек Ян Какше (Кокше) с женою Урун-Хан и детьми: сыном Назаром, дочерьми Марьею, Софьею и Нашхо, а также семейство армянина Балдысара Григорьева с женою Еленою, сыном Варгерем, дочерью Гозарь и крепостным мальчиком Гачеке. В Екатеринодарском карантине 19 июля «при вопросе» прибывшие показали: «до сего же жительство они имели в Абазехского народа», переселились из-за Кубани по собственным своим желаниям и намерены водвориться в России на всегдашнее жительство, где начальство им укажет. 20 июля 1840 г. те же люди были допрошены уже в Канцелярии Наказного Атамана Войска Черноморского, где и сообщили следующие сведения. Армянин Богдасар Киркоров «показал», что ему 70 лет, жене его Елене 35, сыну Варгересу 17, дочери Кугар 15 и крестьянину Гажимафу

12. Все они вероисповедания григорианского, кроме крестьянина, происходящего из «Черкес Абазехского племени и исповедующего магометанскую веру». Жительство имели при речке Сухупс и с давнего времени имели желание перейти на жительство в Черноморию. В июне того же года, собравшись со всем имуществом, отправились в аул Хамышевского владельца дворянина Салимкирея, где находились до 17 июля, а потом прибыли на Екатеринодарский меновый двор, где и переправились вместе с 12 штуками рогатого скота и 3 лошадьми. Грек Яни Кокче сообщил: «ему 40 лет, жене Ханик 30, сыну Назару 13, дочерям Марье 10, Софии 6 и Сирме 3. Все они вероисповедания Греческого, жительство имели при реке Сухупс, вместе с армянином Киркоровым отправились в аул Селимкирея, откуда по прибытии в Екатеринодарский меновый двор переправились вместе с имуществом и 7 штуками собственного рогатого скота в российские пределы». Обе семьи имели «истинное желание принять присягу на верное подданство Государю Императору и поселиться на жительство в Гривенском Черкесском ауле» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 352–353 об., 381).

Следующий по времени документ 1841 г. рассказывает о переходе на российскую территорию через Павловский пост «выбежавшего из гор Шапсугского племени» грека Семеона Серафимова 31 года с женою Пак (Пако) 28 лет, сыновьями (Маркидис (Маркидич, Марнизич) 12 лет, Андрей 9 лет, Степан 6 лет и Хапак 3 года). На месяц им были выданы кормовые деньги из расчета 10 коп. на взрослого и 5 коп. на малолетнего в день. Греческое семейство было водворено в Гривенный Черкесский аул (куренное управление), о чем и доложил «Куренный Атаман» урядник Гацук Татаюк. Серафимову был выдан билет о дозволении забрать два раза по три арбы леса, заготовленного в хуторе поручика Султана Сагат Гирея и доставить в Гривенский аул для устройства домовладения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648. Л. 241–251).

Таким образом, в Гривенском Черкесском ауле (с 1842 г. – станица) сконцентрировалось несколько семей горских греков: Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы/Довтенок (форма написания фамилии Деф(в)теровы/Леф(в)теровы, адыгская форма, скорее всего, – Лекторук). Затяжной конфликт, вылившийся в разбирательства на страницах исторических документов, привел к миграции армян и греков из Гривенской Черкеской станицы. К декабрю 1847 г., когда составлялись сведения об армянах и греках Гривенского аула в связи с их переселением в Переясловскую станицу, горских греков насчитывалось 7 семей (фамилии Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы): 33 человека –

18 мужчин и 15 женщин (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841. Л. 144–147 об.).

В то же время, в первой половине XIX в. среди «вольнопromышленников торгующих закубанью» встречаются греки, которых позже на страницах исторических документов обнаружить не удалось. Например, «Грек Юрий Апостело» заплатил пошлину в размере 3 руб. 72 коп. на Екатеринодарском меновом дворе за перевоз через Кубань в ноябре 1843 г. 124 пудов 3 фунтов товаров «войсковыми каюками» (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 277. Л. 28). 19 апреля 1844 г. вышел на Екатеринодарский частный карантин «закубанский грек» Яков Тевдеров, при нем мать его Десеус, жена Серим, сын Берух, дочери Гацекун, Фав, Кулат, Нагуасх и воспитанник Тлесмих. Они были «только в необходимом одеянии» [то есть без товаров. – В.К.] и парой быков с арбой (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 666. Л. 14 об. – 15). Возможно, они вернулись в Закубанье или переехали в иные регионы.

Православные греки и армяне, адепты одной из древних христианских церквей, в новых российских пределах получили особый юридический статус – «инородцы». Вышедший в 1832 г. во второй редакции «Устав об управлении инородцев» распространился на Кавказ. В Положении о Черноморском казачьем войске, Высочайше утвержденном 1 июля 1842 г., было зафиксировано: «В пределах... войска обитают инородцы под наименованием: 1. Владельцев. 2. им подвластных. 3. вольных Черкес и 4. Армян» (ГАКК. Ф. 720. Оп. 2. Д. 19. Л. 3; ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 269. Л. 1 об.). Географически их определяли еще и как «азиатцев» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 457. Л. 55), наряду с адыгами, тем самым присоединяя к «горским» группам, дифференцируя от «европейцев» и выстраивая определенную иерархию. Таким образом, понятия «инородцы» и «горские» дискурсивно являются синонимами чуждости, многоаспектно характеризую место черкесогаев и греков в иерархии представлений элит империи. Закубанские греки прошли трансформацию, аналогичную православному населению других периферийных районов Османской империи, где в первой половине XIX в. исчезла/модифицировалась миллетная система, например, на Балканах и в получившей независимость Греции (Roudometof 1998: 11–48).

Итак, в первой половине XIX в. в условиях Кавказской войны и по итогам Адрианопольского

мирного договора 1829 г. между Османской и Российской империями Северо-Западный Кавказ стремительно трансформировался. Из турецкой «глухой» провинции, части Анапского пашалыка он превращался в удаленную окраину все более и более внедряющейся на Кавказ Российской империи. Миллетная система, каким-то образом обуславливающая длительное существование христиан (армян и греков) в адыгском большинстве, потеряла свою актуальность. Перед греками, проживавшими среди местного населения, встал новый выбор, актуализированный, с одной стороны, российской колонизацией, с другой – исламизацией адыгов. Принятие российского подданства означало не только формирование новых связей, способствующих группообразованию (влияние русских православных священников, чиновников и т. д.), но и изменение прежних – с адыгами, пусть не до полного разрыва, но достаточно конфликтационных из-за обстановки военных действий. Группообразование приобрело конкретные поселенческие рамки: горские греки из различных мест обитания в Закубанье собираются в Гривенский Черкесский аул.

Процесс группообразования греков-урым продолжился в Переясловской станице, пока окончание Кавказской войны и последовавшие административно-территориальные преобразования (объединение ЧКВ и Кавказского линейного казачьего войска в единое Кубанское войско и создание Кубанской области взамен Черномории и Правого фланга Кавказской линии) в начале 1860-х гг. кардинально не изменили ситуацию в регионе, актуализировав новые стратегии – мухаджирство (эмиграцию) коренного адыгского населения, переселение и укрупнение аулов, исчезновение с карты целых этносоциальных образований. Процессы отнесения себя к той или иной группе, постоянно идущие процессы, состоящие из неопределенных, хрупких, противоречивых и меняющихся связей (Латур 2014: 43) в новых условиях приобрели новые векторы. Сохранив привычные коммуникации с адыгами и черкесогаями, горские греки всю первую половину XIX в. консолидируются в более менее устойчивую общность, постепенно трансформируясь из конфессионального «сословия», обусловленного османской миллетной системой, в этническую группу «века национализма».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ЛИТЕРАТУРА

Боуж Б. 2001. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Мануйлов А.Н. (отв. ред.). Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции (Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 147–155.

Бэлл Дж. 2007. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа.

Веселовский Н.И. 1914. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград: [Б.и.].

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 158.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1286.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 416.

ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 269.

ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 277.

ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 157.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 457.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 798.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 966.

ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 153.

ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 666.

ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.

ГАКК. Ф. 720. Оп. 1. Д. 8.

ГАКК. Ф. 720. Оп. 2. Д. 19.

ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 368.

Головка Ю. 2008. Азовські порти в зовнішній торгівлі 1777–1782 рр. (рапорти азовського губернатора В. Черткова) / Головка Ю. (упорядн.). Запоріжжя: Тандем-У.

Короленко П.П. 1902. Горские поселенцы в Черномории // Сысоев В., Дьячков-Тарасов А. (ред.). Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. III. Екатеринодар: Кубанское областное правление, 71–115.

Кузнецов И.В. 1997. Pontica Caucasica Ethnica II // Кузнецов И.В. (ред.). Studia Pontocausica 3. Понтийские греки. Краснодар: [Б.и.].

Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ.

Миллер А.И. 2006. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое научное обозрение.

Н.П. Богарсуков [некролог]. 1913 // Кубанский край. № 962–60. 13 марта, среда.

Рибер А. 2004. Сравнимая континентальные империи // Миллер А.И. (ред.). Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей. М.: Новое издательство, 33–70.

Русско-адыгейские торговые связи. 1793–1860 гг.: Сборник документов. 1957. Майкоп: Адыг. кн. из-во.

Тэбу де Мариньи. 2006. Поездки в Черкессию / Пер. с фр. Нальчик: Эль-Фа.

Улуян Ар.А. 1994. Миллет как этно-конфессиональный феномен Османской империи // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, сентябрь 1994 г.). М.: ИСИБ РАН.

Фролов Б.Е. 2005. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // Колесов В.И. (ред.). Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей. Вып. 4. Краснодар: Краснодар. гос. ист.-археол. музей-заповедник им. Е.Д. Фелициана.

Чемсо А.К. 2002. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Известия.

Щербина Ф.А. 1916. История Армавира и черкесо-гаев / Щербина Ф.А. (сост.). Екатеринодар: Электротип. т-во «Печатник».

Barrett T.M. 1995. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // *Slavic Review*. V. 54. № 3 (Fall 1995).

Ortaylı İlber. 2004. The Ottoman Millet System and its Social Dimensions // *Ortaylı I. Ottoman Studies*. Istanbul: Istanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 15–22.

Roudometof Victor. 1998. From *Rum Millet* to Greek Nation: Enlightenment, Secularization, and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 16.

REFERENCES

Boeck Brian. In: *Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo: Materialy nauchnoi konferentsii [Social organization and customary law: Proceedings of the scientific conference (Krasnodar. 24–26 August, 2000)]* / Manujlov A.N. (ed.). Krasnodar, 2001, pp. 147–155. (In Russian).

Bell J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov. V dvukh tomakh.* [Journal of Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839 by Bell James Stanislaus. In two volumes / Transl. from English by K.A. Malbakhova]. Vol. 1. Nalchik: El'-Fa, 2007. (In Russian).

Vesselovsky N.I. *Voenno-istoricheskiy ocherk Anapy [Military and Historic Essay of Anapa-city]*. Petrograd: s.n., 1914. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund 249. Inventory 1. Case 158. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 190. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 258. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 491. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 803a. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 904. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1286. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1618. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1648. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1841. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 250. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 250. Inventory 2. Case 416. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 252. Inventory 1. Case 269. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 252. Inventory 1. Case 277. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 260. Inventory 1. Case 37. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 63. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 157. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 333. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 383. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 457. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 798. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 966. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 324. Inventory 1. Case 153. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 324. Inventory 1. Case 666. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 348. Inventory 1. Case 9. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 720. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 720. Inventory 2. Case 19. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 774. Inventory 1. Case 368. (In Russian).

Golovko Yu. *Azovsk'i porty v zovnishnij torgivli 1777–1782 rr. (raporti azovsk'ogo gubernatora V. Chertkova)* [Azov ports in the foreign trading in 1777-1782 (reports of the Azov governor V. Chertkov) / Golovko Yu (ed.). Zaporizhzhya: Tandem-U, 2008. (In Russian).

Korolenko P.P. In: *Izvestiya Obshchestva lyubitelej izucheniya Kubanskoj oblasti [News of the Society of Fans of Studying the Kuban Region]* / Sysoeva V., D'yachkova-Tarasova A. (ed.). Iss. 3 (1902). Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravleniya, 71–115. (In Russian).

Kuznetsov I.V. In: *Studia Pontocausica 3. Pontiyskie greki [Studia Pontocausica 3. The Pontic Greeks]* / Kuznetsov I.V. (ed.). Krasnodar: s.n., 1997. (In Russian).

Latour B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling The Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]* / Transl. by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko]. Moscow: VShE, 2014. (In Russian).

Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe nauchnoe obozrenie, 2006. (In Russian).

N.P. Bogarsukov [obituary] // Kubansky krai [Kuban region]. No. 962–60. 13 March, Wednesday, Ekaterinodar, 1913. (In Russian).

Rieber A. In: Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive: Sbornik statej [The Russian Empire in Comparison Perspective. collection of articles] / Miller A.I. (ed.). Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 33–70. (In Russian).

Russko-adygejskie torgovyje svyazi. 1793–1860 gg.: Sbornik dokumentov [Russian-Adyghe trade relations. 1793–1860. Collection of documents]. Maykop: Adyg. kn. izd-vo, 1957. (In Russian).

Taitbout de Marigny. Poezdki v Cherkesiyu [Travels in Circassia / Transl. from French]. Nal'chik: El;-Fa, 2006. (In Russian).

Ulunyan Ar.A. In: Istoriya. Kul'tura. Etnologiya: Doklady rossijskih uchenyh k VII Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu Yugo-Vostochnoj Evropy (Saloniki, sentyabr' 1994 g.) [History. Culture. Ethnology: Reports of Russian scientists to the VII International Congress on the Study of South-Eastern Europe. (Thessalonica, September 1994)]. Moscow: ISiB RAN 1994. (In Russian).

Frolov B.E. In: Historia Caucasica: Regional'nyj istoricheskij sbornik nauchnyh statej [Historia Caucasica: Historia Caucasica: Regional Historical Collection of Scientific Articles] / Kolesov V.I. (ed.). Iss. 4. Krasnodar: Krasnodar. gos. ist.-arkheol. muzey-zapovednik im. Ye.D. Felitsyna., 2005. (In Russian).

Chemso A.K. Grivenno-Cherkesskaya stanitsa [Grivenskaya Circassian village]. Krasnodar: Izvestia, 2002. (In Russian).

Shcherbina F.A. Istoriya Armavira i cherkesogayev [The History of Armavir and Cherkesogai] / Shcherbina F.A. (comp.). Ekaterinodar: Elektro-tip. t-vo "Pechatnik", 1916. (In Russian).

Barrett T.M. 1995. In: Slavic Review. V. 54, No. 3 (Fall 1995).

Ortaylı İlber. In: Ottoman Studies. Istanbul: Istanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2004, pp. 15–22.

Roudometof Victor. In: Journal of Modern Greek Studies. Vol. 16 (1998).

V.I. Kolesov

Krasnodar, Russia

FROM "RUM-MILLET" TO RUSSIAN "INORODTSY": BEGINNING OF GROUP FORMATION OF MOUNTAIN GREEKS IN THE NORTH-WESTERN CAUCASUS (FIRST PART OF 20th CENTURY)

Abstract. The article focuses on the transformational processes in the North-Western Caucasus in the late 19th century that took place after the Russo-Turkish War of 1828–1829 and in the context of confrontation with local people, later called the Caucasian War. Russian governmental models and sociocultural practices came to replace the Ottoman Millet system. The native Caucasian population was categorized as "Inorodtsy" according to the "Laws about Estates". The aim of the article is, using the example of Circassian language community of mountain Greeks, to demonstrate the controversial process of group formation as a complex of changing social networks. The actor-network theory of Bruno Latour was used as a methodology. Applied to the historical realities of the first half of the 19th century, it made it possible to present the identification of an individual with a particular group as an ongoing process. The author also considers possible ways of formation and expansion of the Greek population in the region, their relationship with the Anatolian part of Turkey, Crimea and the Mariupol region. Having preserved their relations with the Adygs and Cherkesogai, during the first half of the 19th century Mountain Greeks consolidated into a relatively stable group, gradually transforming from the confessional "class" of the Ottoman millet system into an ethnic community of the "century of nationalism". It is shown how the process of migration to the territory of the Russian Empire affected family histories of some Greeks (i.e. the Demtirovs, Seraphims and Kokshevs). Group formation of the mountain Greeks can be an example of the processes of "ethnisation" of the Caucasian groups in the first half of the 19th century.

When writing the article, the author used unpublished documents from the State Archive of the Krasnodar region and personal archives from the mid-19th century, such as diary records of the Englishman James Bell and memories of the Frenchman Tabou de Marigny.

Key words: transformation; North-Western Caucasus; Millet System; Russian Empire; Ottoman Empire; Mountain Greeks; Cherkesogai (Circassian Armenians); colonisation; group forming; Inorodtsy; Grivensky Circassian aul (village).

About the author: Vladimir Igorevich Kolesov, independent researcher.

Place of employment: independent researcher.

Колесов В.И. Из «Рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 92–102.

Kolesov V.I. From “Rum-Millet” to Russian “Inorodtsy”: Beginning of Group Formation of Mountain Greeks in the North-Western Caucasus (first part of 20th century) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 92–102.

УДК 94(37)

Е.В. Литовченко, С.В. Шилина
Белгород, Россия

ПАТРОНАТ И ЭВЕРГЕТИЗМ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЙ АВТОРОВ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI вв.)

Аннотация. В данной статье рассматриваются два явления позднеантичного общества: патронат и эвергетизм. Проводится анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, раскрывается специфика и динамика феномена эвергетизма, а также на основе произведений писателей латинского Запада V – первой половины VI вв. выявляется соотношение этих двух явлений. В статье подробно описываются отношения «патрон–клиент», перечисляются права и обязанности обеих сторон, приводятся конкретные примеры предоставляемых клиентам услуг. В исследовании также дается определение явлению «эвергетизм», раскрываются его характерные, отличающие от патроната, черты. Эвергетизм, в отличие от патроната, лишен взаимовыгодного характера, т. е. фактически это явление приближено к благотворительности. Благодаря приведенным фактам и конкретным примерам, а также по свидетельствам позднеантичных писателей авторы данной статьи приходят к выводу о том, что традиция клиентелы сохранилась в почти неизменном, «классическом», виде, а явление эвергетизма трансформировалось из античной формы в христианскую благотворительность.

Ключевые слова: патронат; эвергетизм; патрон; клиент; аристократия; поздняя Античность; благотворительность.

Сведения об авторах: Елена Викторовна Литовченко, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории¹; Софья Викторовна Шилина, аспирант кафедры всеобщей истории².

Место работы: ^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: ^{1,2}308007, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, к. 4, тел.: 89103244211, 89087841309; ¹e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru; ²sony_alymova@mail.ru.

Благотворительность или поддержка власть имущими нуждающихся граждан – явление, в той или иной мере присущее любой эпохе и выступающее, на наш взгляд, одним из факторов стабильности общества. Однако, данным феноменам, как и целому ряду других, не менее важных для общественного бытия, в разные времена присуща своя специфика, выявление которой позволяет составить целостное представление о конкретном временном отрезке. Кроме того, пристальное внимание исследователей сегодня сосредоточено на так называемых «переходных» периодах, в числе которых и поздняя Античность. Динамика «классических» явлений в переходные периоды представляет большой интерес в плане конструирования стратегии выживания в кризисное время, поскольку полученные выводы, с поправкой на современные реалии, могут быть полезны и в настоящий момент.

Цель исследования – анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, определение специфики и динамики феномена

эвергетизма, а также соотношения этих двух явлений.

Методологическим ориентиром данного исследования является просопографический подход в интерпретации британского историка Кэтрин Китс-Рохан, тесно связывающей его с биографией и генеалогией: «Просопография – это, по сути, то, что может рассказать нам о различных типах связей между людьми, анализ совокупности данных о деятелях прошлого, и, следовательно, о том, как они функционировали в социальных, политических, экономических, духовных институтах своего времени»¹ (Keats-Rohan 2000: 2). В данном случае нас интересует определенный вид связи – отношения патроната и эвергетизм в поздней Античности.

В качестве основных источников использовались произведения писателей латинского Запада V – первой половины VI вв., времени до 476 г., когда произошло резкое изменение в политической расстановке сил, и полвека спустя. В течение

¹ Подробнее об этом см.: (Prosopography Approaches 2007).